

Майкл Муркок

Перевод Виктора Беньковского

Завтрак

НА РУИНАХ

Глава 18.

ЛОНДОНСКАЯ
ЖИЗНЬ:
1990: ГОРОД ТЕНЕЙ

Одним из самых удачных ответов ныне здравствующих государственных мужей может считаться тот, когда широко известный министр рекомендовал встревоженному репортеру: «Побольше изучайте крупномасштабные карты». Опасность, которая кажется столь неотвратимой, столь зловецей, когда мы читаем об этом в газетной статье или слышим в выступлении оратора, кажется успокоительно далекой, если посмотреть на все сквозь координатную сетку крупномасштабной карты.

«Армия Ее Величества: индийские колониальные войска»

Комментированный реестр Уолтера Ричардса

«Дж. С. Вертью и Ко», 1890 год

Если бы SNCC употребила выражение «негритянская власть» или «цветная власть», белые бы так и продолжали спокойно спать. Но «ЧЕРНАЯ ВЛАСТЬ»! ЧЕРНАЯ! Одно слово чего стоит! ЧЕРНАЯ! И тут же перед глазами встает видение кишящих аллигаторами болот, над которыми нависли громадные доисторические деревья, заросшие мхом, а из глубины болот среди пузырей всплывает черный монстр. И отцы говорят дочерям, чтобы они были дома в девять, а не в девять тридцать. И еще одно видение — банды черных, рыщущих по улицам, насилующих каждую белую, поджигающих, крадущих, убивающих. «ЧЕРНАЯ ВЛАСТЬ»! О Боже мой! Ниггеры начали мстить белым! Они не забыли четырнадцатилетнего Эммита Тилла, брошенного в Таллахачи-ривер (ведь мы с тобой оба

там были, Билли Джо) с привязанным мельничным жерновом. Черные не забыли деревьев, чьи ветви клонились под весом черных тел, качающихся на веревках имени мистера Линча. Они не забыли черных женщин на проселочных дорогах, затащенных в машины и изнасилованных, а затем выброшенных прочь с колоколами смерти, все еще звучащими в их ушах, и с ягодицами, все еще помнящими ваш противоестественный секс. Черные не забыли, а теперь они восхотели власти. «ЧЕРНОЙ ВЛАСТИ»!

«Берегись, белый! «ЧЕРНАЯ ВЛАСТЬ» идет по твою мать»

Дж. Лестер. «Эллисон и Басби», 1970

— Светает, — говорит Карл. — Ну наконец-то! Я подыхаю от голода.

— Ты прекрасен, — говорит Карлу его друг. — Я хочу, чтобы ты был таким всегда.

— Ась?..

— Всегда, говорю.

— Давай позавтракаем. Сколько времени? Как ты думаешь, в этом отеле в это время уже обслуживают?

— Здесь тебя обслуживают в любое время. Тебе дают все, что ты хочешь, и когда ты хочешь.

— Вот что значит хороший сервис.

— Карл?

— Что?

— Пожалуйста, останься со мной.

— Я думаю, что съел бы что-нибудь этакое, простое. Вареные яйца и тост. О Господи! Слышишь, как у меня в желудке урчит? Это от голода.

Карлу пятьдесят один год. Он один. Повсюду во все стороны до горизонта простираются руины. Черные, серые, кирпично-красные. Мир умер.

Друг Карла хватает его за запястья. Сильно хватает. Карлу больно. Карл пытается освободиться. Морщится. Боль струится сквозь тело, смущая дух.

Пятидесятилетний старик. Старый пятидесятилетний осел. За каким чертом он выжил? Какое право имел он выжить, когда остальные канули в небытие? Нет справедливости...

— Карл, ну ты же обещал мне ночью.

— Я уже почти забыл, что было ночью. Несколько суматошная ночка была, а?

— Карл, не шути так!

Карл улыбается. Карл любит себя своим прекрасным черным телом. Поворачивает руку перед собой так и эдак. Первые лучи восходящего солнца играют на темной лоснящейся коже.

— Недурственно, — говорит Карл.

— И это после всего, что я сделал для тебя? — Друг Карла почти рыдает.

— Справедливости в мире нет, — изрекает Карл. — Или есть, но чуть-чуть. А может быть, так: тебе приходится вложить титанический труд, чтобы выработать всего лишь несколько гран справедливости. Путь к справедливости, как мне думается, нужно буквально вымачивать золотом, а?

— Но ведь это единственное, о чем я прошу! — Голос друга опустился до свистящего шепота. На лице злобный оскал. Гнилые зубы плотно сжаты. Глаза налились кровью.

— Карл! Карл! Карл!

— При дневном свете ты выглядишь даже хуже, — говорит Карл. — Впрочем, давай-ка позавтракаем. Закажем завтрак в номер, а за едой и поговорим.

Карлу скоро стукнет пятьдесят один. Его мать уже давно умерла от рака. Отец погиб восемь лет тому назад. Он был убит во время Вулверхемптонских беспорядков в 1982 году. Кажется, Карлу в дальнейшем придется вести жизнь безработного.

Он будет сидеть возле разбитого окна в своей комнате на первом этаже дома, стоящего на Лэдбрук Гроув, что в Лондоне. Он будет сидеть и смотреть на загаженную улицу. На улице не будет никого, кроме крыс и кошек. Карл будет одним из горстки уцелевших человеческих существ, что еще остались в Лондоне, главным образом в Сутворке, возле реки.

Но и войнам когда-то придет конец. Наступит мир.

Мир для Карла, во всяком случае. Карл к этому времени уже два года будет каннибалом с тех пор как он вернулся домой после того, как принимал участие в разрушении Гонконга, а затем служил наемником в Париже, где и пристрастился ко вкусу человеческого мяса. Человеческое мясо. Все, что угодно, но только не кошки и не крысы. К тому времени, о котором идет речь, Карл уже потеряет всякое желание убивать тех немногих себе подобных, что еще остались и сейчас охотятся среди городских руин.

Карл будет сидеть возле окна. Все остальные двери и окна он заколотит и забаррикадирует на случай нападения, хотя в это время уже не будет никаких нападений. Карл оставит лишь одно широкое окно, поскольку из этого окна прекрасно просматривается Лэдбрук Гроув.

Чтобы согреться, он будет жечь книги в большом камине. К тому времени, о котором идет речь, Карл давным-давно бросит читать книги, потому что от книг лишь одно расстройство. К тому времени, о котором идет рассказ, Карл по возможности будет стараться как можно меньше думать. Он будет стремиться превратиться лишь в часть того, что когда-то составляло целое. К части этого канувшего в небытие целого Карл будет стремиться свести свое «я».

Краем глаза он то и дело будет замечать проплывающие тени, которые он будет принимать за людей. А некоторые — даже за своих старых друзей, пришедших сюда в надежде разыскать своего Карла. Но тени будут оставаться лишь тенями, а может быть, это будут вовсе не тени, может быть, это будут крысы или кошки. Но, скорее всего, это будут только тени. Тени эти будут страшно волновать Карла. В них он будет видеть призраков своих нерожденных детей. В них он будет видеть женщин, которых никогда не любил. Людей, которых он никогда не знал.

Карл будет скрести и чесать свое истощавшее больное тело. К тому времени, о котором идет рассказ, скорость умирания тела увеличится, ибо имевшиеся к этому времени у Карла запасы консервов кончатся, а витаминных таблеток, которыми он поддерживал до недавнего времени свое существование, он уже не сможет найти.

Смерти Карл бояться не будет.

Он не поймет смерти, равно как до конца своих дней не поймет жизни.

Одна мысль будет тянуть за собой другую.

Ничто не будет иметь для Карла большую или меньшую цен-

ность по сравнению с другими. Все для Карла станет равнозначным. В душе у Карла воцарится некий особенный мир. Карлу суждено будет познать некую особую безопасность и стабильность. Больше не будет ничего принципиально нового. То, что будет, будет продолжаться. Не будет становиться ни лучше, ни хуже по мере того, как день будет сменяться новым днем. Все сольется. Не станет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

А потом Карл будет лежать неподвижно, подобно ящерице, на столе. Рядом с ним будет лежать забытая винтовка. Карл будет смотреть в окно на руины. Карлу будет казаться, что руины были всегда. Что всю жизнь, сколько он себя помнит, были эти руины. Что руины эти, подобно ему, Карлу, вечны.

Они завтракают.

— Прекрасное утро, — говорит Карл.

— Я очень богат, — шепчет друг. — Я могу дать тебе все, что ты пожелаешь. Женщин, других мужчин, кого угодно. Власть. Любое твоё желание будет удовлетворено. А я буду тем, кем скажешь, только позволь быть при тебе. Я обещаю. Я буду твоим слугой. Я буду как джинн из лампы, охраняющий каждый удар твоего сердца. Это правда, Карл! — В воспаленных глазах друга Карла горит лихорадочный огонь похоти.

— Я не уверен, что в настоящий момент мне чего-то хочется.

— Карл допивает кофе.

— Останься со мной, Карл.

Карлу жалко друга. Он кладет на стол салфетку.

— Ладно, я скажу тебе, что мы сегодня будем делать. Мы снова отправимся в испанский сад. Как насчет этого?

— Если ты так хочешь, конечно.

— В каком-то смысле я тебе очень многим обязан, — говорит Карл.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ (18)

Ваш доктор посоветовал вам госпитализировать вашего отца. Отец жаловался на боль в груди, желудке и горле. В госпитале отцу сказали, что у него разновидность ревматизма, и назначили какое-то лечение.

Лечащий врач вашего отца просит вас прийти к нему.

Врач говорит, что на самом деле у вашего отца рак и что операция бесполезна. Рак дал метастазы в легкие, желудок и горло. Отцу осталось жить самое большее год.

Врач говорит, что вам решать — говорить об этом вашему отцу или нет. Лично он на себя эту ответственность принимать не желает.

Ваш отец любит жизнь и боится смерти.

Скажите ли вы отцу всю правду?

Скажите ли вы ему лишь часть правды, заявив, что у него есть шанс вылечиться?

Или же вы сочтете, что отцу лучше ничего не знать для его же блага?

Глава 19

В ИСПАНСКОМ САДУ: 1971: СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Сегодня прокурору удалось выиграть поединок. Капитан Эрнест Л. Медина обвиняется в убийстве. Однако смертную казнь решено заменить более мягким приговором.

«Интернейшнл Гералд Трибьюн», 26–27 июня 1971 года

Карл и его друг стояли бок о бок, глядя на Лондон. Был прекрасный теплый день. Карл вдыхал аромат цветов, запахи магазина внизу, запах выхлопных газов от проносящихся по улице машин. Он чувствовал себя удовлетворенным.

Бледно-голубые глаза его друга были встревожены. Друг заметно похудел. Шелковый костюм был ему теперь явно велик. На пальцах у друга было несколько перстней. Когда друг нервно постукивал пальцами по перилам, казалось, в нем только и осталось живого, что унизанные кольцами пальцы.

— Ты уверен, что понимаешь, что делаешь, Карл? — спросил друг.

— Думаю, да. Если честно, лучше это сделать прямо сейчас. Больше это продолжаться не может.

— Я бы столько мог для тебя еще сделать. Знай ты, кто я на самом деле, ты бы поверил мне.

— Да. Я видел твои фотографии. Я не хотел показывать тебе, что я это знаю, раньше времени. Впрочем, поначалу я тебя не узнал.

— Я предлагал тебе империю, а ты выбрал капустную грядку.

Карл ухмыльнулся.

— Таков уж мой стиль, босс.

— Ты всегда можешь передумать.

— Я знаю. Спасибо.

Друг Карла все не решался попрощаться. Но у него был слишком несчастный вид, Карлу стало его жалко. Особенно когда он уговаривал Карла передумать.

Карл поправил шляпу на голове. Шляпу он купил для себя, проходя по магазину, прежде чем подняться сюда.

— Думаю, мне имеет смысл пойти вниз и где-нибудь подобрать себе новый костюм, — сказал он. — Adios!

Черный кивнул и молча отвернулся.

— Береги себя, — проговорил Карл. — И постарайся выспаться.

Пружинистым шагом он прошагал через Вудленд-гарден к выходу. Две средних лет леди были там, как обычно. Из лифта вышел толстый турист и налетел на Карла. Турист обругал его и тут же извинился, сделав это почти одновременно. Видно было, что он смущен.

— Не беспокойтесь, босс! — сказал Карл, сверкнув улыбкой. — Все о'кей.

Он опустился на лифте вниз, как обычно, на третьем этаже пересел в другой лифт, на котором спустился на первый этаж. Там он купил газету и просмотрел список забегов на сегодня.

Мужчина средних лет с седыми ухоженными усами, в опрятном костюме и в котелке, благоухающий дорогим табаком, спросил: «На кого вы хотите ставить?»

Видно было, что интерес мужчины неподделен. В руке у него также была газета, тоже открытая на странице со списком заездов.

— Как насчет пари?

— У меня сегодня чутье на выигрыши. — Карл провел тонким коричневым пальцем по списку. — Как насчет Русской Рулетки? В два тридцать? Э-э... Эпсом.

— Превосходно. Премного благодарен.

— Все будет хорошо.

Понтер добродушно засмеялся и хлопнул Карла по спине.

— И тебе того же желаю. Привет!

Карл махнул ему и вышел из магазина. Пересек Хай-стрит и пошел по Черч-стрит, наслаждаясь утром. Возле Ноттинг-хилл он остановился и подумал: а не пойти ли прямо в Лэдбрук Гроув. В голове у него уже сложился образ того костюма, который ему был нужен.